

В поисках триггера:
книжные и
некнижные тексты
как маркеры
различных
аспектов русской
референциальной
эволюции*

Евгения Владимировна
Буденная

НИУ ВШЭ
Институт языкознания РАН
Москва, Россия

In Search of the
Trigger: Literary
and Non-literary
Texts as Examples
of Different
Aspects of Russian
Referential
Evolution

Evgeniya V. Budennaya

Higher School of Economics
Institute of Linguistics, Russian Academy
of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

В статье подробно рассматривается процесс экспансии местоимений в истории русского языка, затронувший период XI–XVII вв.: *накы ли ѿ про соромит ѿ про собе свободна* (договор Новгорода с Ригой и Готским берегом, конец XII в.) > *Если он изнасилует [рабыню] — она освобождается* (совр. перевод). Различные исследования этого процесса указывают на то, что первоначальный триггер экспансии местоимений лежит в сфере употребления 3-го

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460.
This study was supported by grant #17-06-00460 from the Russian Foundation for Basic Research.

Цитирование: Буденная Е. В. В поисках триггера: книжные и некнижные тексты как маркеры различных аспектов русской референциальной эволюции // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 210–243.
Citation: Budennaya E. V. (2020) In Search of the Trigger: Literary and Non-literary Texts as Examples of Different Aspects of Russian Referential Evolution. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 210–243.
DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.11

лица: именно в этом лице в аналитических клаузах прежде всего утрачивается вспомогательный глагол и именно субъектные местоимения 3-го лица в неэмфатическом употреблении распространяются ранее остальных местоимений. Тем не менее эти данные не позволяют однозначно говорить о том, что причиной экспансии местоимений 3-го лица послужило падение глагольных связок, поскольку соответствующие местоимения массово распространяются не только на месте утраченных связок, но и, в частности, в клаузах с содержательным глаголом в презенсе. В связи с этим для прояснения предполагаемого триггера эволюции, в работе осуществляется диахронический анализ всех клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в зависимости от типа предиката. При этом сопоставляются диахронические данные текстов трех различных регистров — бытового, делового и книжного, ранее никогда в этом аспекте не сравнивавшихся.

Результаты анализа подтверждают гипотезу о падении связок как о триггере экспансии местоимений и в то же время демонстрируют, что ряд значимых промежуточных этапов этого процесса оказывается возможным выявить только на деловых и книжных текстах, где эволюция в целом происходит медленнее. В частности, только деловые тексты позволяют вычлени более раннее распространение местоимений на месте бывших связок, и только в книжных памятниках обнаруживается переходная бессвязочная безместоименная модель, свидетельствующая о том, что именно утрата связок послужила триггером к дальнейшей экспансии местоимений, а не наоборот.

Ключевые слова

субъектное местоимение, личное местоимение, глагольная связка, 3-е лицо, древнерусский язык, диахрония

Abstract

The article deals with the diachronic path of Russian pronoun expansion, which affected the period of the 11th–17th centuries: *paki li Ø_{pro} soromit Ø_{pro} sebe svobodna > jesli on osramit — ona svobodna* ‘if he rapes [the slave], she is freed’ (the treaty of 1191–1192 between Novgorod, Gotland, and the German Cities, and its modern translation). The initial trigger of this phenomenon is often attributed to the realm of the third person since the third-person auxiliary was lost first and the third-person subject pronoun massively expanded earlier than the first- and second-person subject pronouns. Nevertheless, one cannot argue that the latter was caused by the former, since the new subject pronouns did not only replace the old auxiliary forms but were also detected in finite verbal clauses where no auxiliaries were ever used. To explore what exactly caused the expansion of pronouns and how this expansion took place in different types of clauses, a diachronic analysis of finite clauses with reduced subject reference was conducted, with a special focus on the type of the predicate. Within the analysis, the referential data of three different Old Russian registers—informal, official and literary—were examined and compared to each other.

The results support the hypothesis of copula drop as a trigger for the expansion of pronouns and demonstrate that several intermediate stages of

this process can be detected in official and literary texts, where the course of evolution was slower. Thus, only official texts allow us to discover the earlier stage of new referential pronouns substituting former verbal copulas, and only in literary works can we find the transitional elliptical pattern without pronouns or copulas, which existed before the new pronominal pattern.

Keywords

subject pronoun, verbal copula, third person, Old Russian, diachrony

1. Введение

В современном русском языке редуцированная субъектная референция маркируется, главным образом, с помощью сочетания личного местоимения и соответствующего глагольного аффикса:

- (1) **Вы¹** не будете против, если **я** сейчас пойду посплю? [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (2008.03.17)]
- (2) **Мы** не можем предсказать следующий шаг живой системы, потому что **она** все время эволюционирует и делает ошибки, которые вообще предугадать невозможно. [Галина Костина, Валерий Фокин. Поиграем с природой по-своему // «Эксперт», 2014, НКРЯ].

Несмотря на то, что опущение местоимения в русском языке в ряде случаев возможно (от 20 до 35 % клауз, в зависимости от модуса, жанра и дискурсивных особенностей [Grenoble 2001; Zdorenko 2009]), стратегия с эксплицитно выраженным местоимением в русском языке является доминирующей. Подобная картина кардинальным образом отличается от древне- и старорусского языка до XVI в., где редуцированная субъектная референция по умолчанию маркировалась только глагольными аффиксами, а местоимения дополнительно употреблялись лишь в случае эмфазы, контраста и некоторых других дискурсивных явлений [Зализняк 2008а: 242]. Экспансию местоимений, произошедшую в истории русского языка, можно видеть на примере двух отрывков из текстов XII в. и их современных переводов (примеры 3–4):

- (3) чемоу $\emptyset_{pro}$ ² не восолещи чето $\emptyset_{pro}$ ти есемо водала ковати [БГ-644, нач. XII в.]

‘Почему **ты** не присылаешь то, что **я** тебе дала выковать?’ (перевод [Зализняк 2004: 267]);

¹ Здесь и далее выделение авторское.

² Здесь и далее данным символом обозначено отсутствие эксплицитно выраженного референтного подлежащего.

- (4) *пакы ли Ѡ_{pro} соромит Ѡ_{pro} собе свободна* [ГВНП, №28, Договор Новгорода с Ригой и Готским берегом, 1195]
 ‘Если он изнасилует [рабыню] — она свободна (т. е. освобождается)’.

Историческая эволюция в русской субъектной референции состояла в распространении полноударных местоимений 1-го и 2-го лица на месте бывших энклитических личных глагольных форм (*дал есмь* > *я дал*, *дал еси* > *ты дал*), а также нового личного местоимения 3-го лица *он*, ранее входившего в развернутую систему указательных местоимений (*сь*, *ся*, *се* — для лиц, близких говорящему; *тѣ*, *та*, *то* — для указания на лицо, близкое адресату, *онѣ*³, *она*, *оно* — для лиц, удаленных от обоих собеседников). Еще в дописьменный период местоимение *онѣ* приобрело обобщенную семантику 3-го лица в субстантивном употреблении, вытеснив другие местоимения в аналогичной функции на языковую периферию [Горшкова, Хабургаев 1981: 262]. Однако употребление данного местоимения в раннедревнерусский период, равно как и дейктических местоимений в отношении субъектов 1-го и 2-го лица, было крайне маркировано: как правило, референт 3-го лица в позиции подлежащего обозначался либо полной именной группой с вершиной-существительным (*Иван дал*), либо эксплицитно выраженными личными формами вспомогательного глагола (*стар естъ* ‘он стар’), либо нулевой формой (*Ѡ_{pro} дал*) [Зализняк 2008а: 239], тогда как местоимение *онѣ* и полноударные формы дейктических местоимений употреблялись в редких, преимущественно эмфатических и контрастивных контекстах, а также при смене топика (частотным маркером контраста и смены топика являлась противительная частица *же*, как в примере 5).

- (5) *и вси дѣмонѣ суущи с нимъ. потекоша зарѣзати юго хотлице. он же съ слезами руцѣ въздѣвъѣ. Къ г(с)у. възпаше глѣ. не предаи же звѣремъ дѣиа можа исповѣдающуюся тебе* ‘И все демоны, которые были с ним, бросились на него, желая его зарезать. Он же воздел руки и со слезами возопил к Господу: «Не предай зверям душу мою, верующую в Тебя!» [ЖАЮ].

Однако со временем местоимение *он* становится немаркированным местоимением 3-го лица, расширяя сферу своего использования (ср. пример 1).

Деталю перестройки русской референциальной стратегии в сторону местоименно-аффиксального типа посвящена обширная литература [Соболевский 1907; Jakobson 1971; Lindseth 1998; Kibrik 2004; Meyer

³ Исторически парадигма местоимения *онѣ* представляет собой объединение парадигм древнего указательного местоимения *и* (формы косвенных падежей *его*, *ему* и т. д.) и местоимения *онѣ* (И. п.); данное объединение относится еще к дописьменному периоду.

2011; Madariaga 2018 и др.]. Ряд аспектов этого процесса — в частности, временные рамки экспансии местоимений и ее взаимосвязь с утратой аналитических форм глагола *быти* в перфекте, ставшим впоследствии современным прошедшим временем на -л (др.-рус. *далъ есмь* > совр. рус. *я дал*) — достаточно подробно изучен [Хабургаев 1978; Зализняк 2008а; Kwon 2009 и др.]. Большинство исследователей [Борковский, Кузнецов 2016: 332; Lindseth 1998: 65; Kibrik 2004; Зализняк 2008а: 256] сходятся в том, что первопричину референциальной перестройки следует искать в клаузах с субъектом 3-го лица: именно здесь ранее всего были утрачены аналитические формы вспомогательного глагола в перфекте (*далъ естъ* > *он далъ*) и связки в именных клаузах (*князь естъ* > *он князь*), и именно местоимения 3-го лица, согласно данным Регенсбургского диакронического корпуса, распространяются раньше остальных [Meuer 2011: 130]. В корпусном исследовании [Буденная 2018] было выяснено, что хронологически утрата форм 3-го лица вспомогательного глагола в именных клаузах случилась в среднем на 150 лет позже аналогичной утраты в перфекте⁴, и фактически распространение соответствующих местоимений 3-го лица происходит после утраты связок в именных клаузах, см. Таблицу 1.

Таблица 1

**Общая схема референциальной эволюции
в клаузах с субъектом 3-го лица по данным корпуса бытовых текстов
[Буденная 2018: 105]**

	До XI в.	XI — XII вв.	XIII — 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в. — XV в.
3.PST	<i>далъ естъ</i>	<i>далъ</i> ∅ _{cop} ⁵	<i>далъ</i> ∅ _{cop}	<i>онъ далъ</i>
3.NOM	<i>князь естъ</i>	<i>князь естъ</i>	<i>князь</i> ∅ _{cop}	<i>онъ князь</i>

Тем не менее по этим данным нельзя однозначно говорить, что непосредственным триггером экспансии местоимений стало именно падение связок, поскольку в период XIV–XV вв. в некнижных⁶ текстах новые местоимения 3-го лица распространяются как в бывших связочных клаузах, так и в клаузах с глаголом в презенсе (6–7), где никаких связок никогда не было:

⁴ Этот факт в неявном виде отмечался А. А. Зализняком в описании глагольных и именных сказуемых в текстах раннедревнерусского периода [Зализняк 2008а: 239].

⁵ Здесь и далее этим символом обозначено отсутствие эксплицитно выраженного вспомогательного глагола в перфекте и связки при именном предикате.

⁶ Подробнее о книжных и некнижных текстах см. раздел 2.

- (6) *ате [е]но стесыиваете то мои дубо* [БГ, Тверь-5, XIV в.]
'Пусть [даже] он стесывает, это [все равно] мой дуб';
- (7) *они молвят так* [ПГ-34, XV в.].

На данный момент нет работ, где детально исследовалась бы хронология распространения личных местоимений 3-го лица в зависимости от типа предиката. Сам же факт первичного распространения местоимений 3-го лица, по сравнению с местоимениями 1-го и 2-го лица, еще не говорит о том, что именно падение связок 3-го лица послужило причиной всей дальнейшей референциальной перестройки. В связи с этим, для прояснения этого вопроса, в нашей работе будет представлено диахроническое исследование клауз с субъектом 3-го лица, с разграничением по типу предиката. При этом все клаузы будут отдельно проанализированы для бытовых, деловых и книжных текстов, кардинально отличающихся друг от друга в языковом отношении (см. раздел 2). Несмотря на широкое обсуждение особенностей этих текстов в литературе (см., в частности: [Успенский 2002; Зализняк 2008а; Пичхадзе 2011; Живов 2017]), диахронические особенности русской референциальной перестройки в них ранее поэтапно не сравнивались, а отдельно в деловых текстах фактически не исследовались. При этом параллельно будет проверен более общий тезис о «вторичном» и позднем характере языковых изменений в книжном регистре по сравнению с некнижным [Живов 1996: 36; Зализняк 2008а: 262].

Раздел 2 будет посвящен основным особенностям памятников, анализируемым в работе. В разделе 3 будет изложена основная методология анализа. В разделе 4 будут представлены результаты для каждого подкорпуса текстов, в разделе 5 будут сформулированы общие итоги исследования.

2. Принципы отбора данных: регистры древнерусской письменной традиции

Древнерусская литература XI–XVII вв. представляет собой богатый и при этом крайне неоднородный корпус текстов. Поскольку референциальная эволюция, хоть и с разной скоростью, в конечном итоге так или иначе затронула все регистры, в данной работе диахроническое исследование проводилось отдельно для каждого типа текстов. Ниже будут кратко представлены все анализируемые типы памятников и их специфические особенности, актуальные с точки зрения референциальной проблематики.

Весь корпус древнерусской литературы охватывает два основных типа памятников — книжные (религиозные тексты, жития, летописи,

исторические повести и т. д.) и некнижные тексты (грамоты, акты, письма и т. д.). Различия между ними пролегают как в содержательном и функциональном, так и в языковом плане. В частности, если книжные памятники обычно ориентированы на более широкую аудиторию и предназначаются для многократного перечитывания, то некнижные тексты относятся к однократной коммуникативной ситуации и адресованы конкретному лицу. Наиболее давнюю историю имеет описание лексико-грамматических особенностей книжных текстов, отличающихся намного более консервативным характером на всех языковых уровнях. С точки зрения книжного морфосинтаксиса, применительно к данному исследованию, релевантным является существенно меньшее количество перфектных клауз: в противоположность некнижным текстам, книжные финитные клаузы имеют в основе преимущественно простые претериты. В тех же случаях, когда перфектные формы в книжных текстах все же употреблялись, для форм 3-го лица было характерно употребление связки (конструкции типа *есть дальъ*, см. ниже примеры 8–9), отсутствующей в некнижных текстах уже в самых ранних источниках (примеры 10–11) [Зализняк 2008а: 256]:

- (8) *Уже бо реместву емуже ся **есть научилъ***
'Он уже научился этому ремеслу' [ЖАЮ, не позднее нач. XII в.];
- (9) *Дньсь нашу землю **отъяли суть***
'Сегодня нашу землю [татары] отняли' [Повесть о битве на Калке, XIII в.];
- (10) *атъ ти **възьлъ** $\emptyset_{\text{cop}}$ оу Иванъкова смърьда 3 гривнъ*
'ан ведь он взял у Иванкова смерда три гривны' [БГ-907, кон. XI – нач. XII в.];
- (11) *мене **игоумене не** $\emptyset_{\text{cop}}$ **поустиле***
'меня игумен не пустил' [БГ-605, нач. XII в.].

Традиционно древнерусские книжные тексты подразделяются на так называемый стандартный (богослужебные книги, проповеди, отдельные жития) и гибридный регистр (летописи, исторические повести, отдельные жития) [Толстой 1963, 1988; Живов 2017]. В основе текстов стандартного регистра лежал механизм ориентации на образцы, отражающийся в практически точном воспроизведении готовых заученных фрагментов, тогда как в гибридных текстах основная роль отводилась механизму пересчета. При последнем подходе автор стремился придать церковнославянский характер отдельным конструкциям и словам (которые, в свою очередь, твердо ассоциировались у него с книжным характером), однако не воспроизводил готовых фрагментов и в целом более свободно пропускал в текст древнерусские элементы. В контексте данной работы в качестве объекта исследования были выбраны

гибридные тексты, в силу своей большей гибкости и большей потенциальной восприимчивости к изменениям, происходящим параллельно в языке.

Некнижные тексты, в свою очередь, также подразделяются на два регистра: 1) бытовые письма и грамоты, не ориентированные на какую-либо жесткую языковую норму в принципе, и 2) деловые документы, которые, несмотря на отсутствие строгих канонов в морфологии и орфографии, следуют определенным структурным схемам [Зализняк 2004: 653; Живов 2017: 210], содержат стандартные формулы «зачина», прощания и т. д. В зависимости от исследуемой проблематики ученые то объединяют их данные в более общую категорию некнижных текстов [Борковский, Кузнецов 2006; Успенский 2002; Шевелева 2006; Зализняк 2008а], то рассматривают отдельно [Живов 2017]. В данной работе был принят второй подход — разграничить данные бытового и делового регистров по разным выборкам, поскольку деловому регистру в связи с обилием устойчивых формул были свойственны эллипсис и лексический повтор [Живов 2017: 496], в том числе повтор конструкций с местоимением (см. примеры 12–14), который мог влиять на общую количественную статистику:

- (12) *А уличане сказали, что **он** **молотчей человек**, а прежний жилиец Иванко умер в 78-м году.*
- (13) *А уличане сказали, что **оне** **молотчие люди**, а прежние жилицы Степанко жевет в той ж улицы в своем тяглом дворе, а Иванко умер в 79-м году.*
- (14) *А уличане сказали, что **они** **молотчеи люди**, а прежние жилицы Еремейко и Третьячко умерли 79-м году. [ВелНовг, Дозорная книга Софийской стороны Великого Новгорода дозора кн. Василия Кропоткина, 1586 г.]*

В ряде случаев данный подход не удалось строго соблюсти в силу малого количества бытовых данных. Главной проблемой явилось то, что подавляющее большинство древнерусских текстов относится к книжному и деловому регистру, тогда как бытовые памятники, наиболее близкие живому языку, в строгом смысле фактически ограничиваются только берестяными грамотами XI–XV вв. Многие закономерности, выявляемые только по ним, в силу малого количества данных не могут считаться статистически значимыми. В связи с этим было принято решение расширить корпус бытовых данных путем привлечения других текстов, наиболее близких берестяным грамотам в языковом отношении. Среди всех древнерусских текстов XI – первой половины XVII вв. различные исследователи данного вопроса [Fałowski 1994; Зализняк 1998; Сквайрс, Фердинанд 2002: 16; Зализняк 2008а: 85, 2008б] в качестве таковых называют следующие произведения:

1. Раздел Киевской летописи, содержащий непосредственные диалоги князей, XII в.

2. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, XV в. (за исключением нескольких книжных фрагментов).

3. Послания Ивана Грозного Елизавете I, Юхану II и Юхану III, XVI в.

4. Анонимный русско-нижненемецкий разговорник *Ein Rusch Boeck* 'Русская книга', сер. XVI в. (далее — *AnRB*).

5. Русско-нижненемецкий разговорник Томаса Фенне, 1607 г. (далее — *Fenne*).

Кроме этого, определенную близость с бытовыми текстами обнаруживает прямая речь в текстах статейных списков русских послов [Лихачев 1954: 329], что, по-видимому, предопределило их попадание в категорию бытового жанра в старорусском разделе НКРЯ. Наряду с памятниками из списка выше, они не обнаруживали значительных референциальных отличий от берестяных грамот и поэтому наряду с последними были объединены в данном исследовании в общую выборку бытовых текстов. Несмотря на то, что с точки зрения функциональной сферы все эти памятники в строгом смысле нельзя назвать бытовыми, языковая однородность текстов в данном случае была признана более существенной.

Остальные данные были собраны из ряда летописей и исторических повестей, размещенных в электронном собрании «Пушкинский дом»⁷, а также из различных сборников правовых документов XII–XVII вв., включая обширный корпус деловых документов из электронного собрания «Восточная литература»⁸. Частично эти памятники дублируются в древне- и старорусском разделах НКРЯ. Полный список памятников, анализируемых в работе, см.: Источники.

3. Методология анализа

Диахронический анализ, предпринятый в данном исследовании, включал в себя следующие этапы:

1. Извлечение всех релевантных клауз с редуцированной субъектной референцией 3-го лица.

2. Распределение всех данных по различным выборкам в зависимости от:

⁷ Библиотека литературы Древней Руси, Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (<http://lib.pushkinskijdom.ru>).

⁸ Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада (<http://www.vostlit.info>).

- синтаксической структуры (наличие/отсутствие местоимения; наличие/отсутствие глагольной связки (для связочных клауз));
- периода (до XII в. / XIII — 1-я половина XIV в. / 2-я половина XIV — XV в. / XVI — 1-я половина XVII в.);
- регистра текста (бытовой/ деловой/ книжный).

3. Собственно статистический анализ (биномиальный критерий и критерий χ -квадрат⁹).

Этап 1 состоял в извлечении финитных клауз с разбиением по типу предиката: именные презентные — глагольные презентные — глагольные перфектные клаузы. Плюсквамперфектные клаузы, в силу редкости и невозможности непрерывного прослеживания по текстам разных регистров, в выборку не вошли.

После этапа 1 и 2 осуществлялась дополнительная фильтрация всех клауз с так называемым обязательным местоимением (в эмфатическом, контрастивном употреблении и т. д.), где его опущение было в принципе невозможно¹⁰. В основу фильтрации была положена классификация контекстов, ранее изложенная в [Зализняк 2008а: 242 и след.]. Наиболее многочисленную группу отфильтрованных клауз составили случаи употребления местоимения, дополненного усилительной частицей *же* (15), вводимого союзами *но*, *а* (16), *и* (17), а также сопровождаемые именем-приложением (18):

- (15) *онъ же въоружень силою кр(с)тъною* [НПЛ, Синодальный список];
- (16) *А вы, печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ* [Грамота великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление, 1367 г.; ГВНП, №87];
- (17) *А кто почьнетъ въступатися въ тое землю, и въ воду, и въ пожьни или князь или епискупъ, или хто иметь силу дьяти, и онъ въ второе пришьствие станеть тяжатися съ святымъ Пантелеимономъ* [Грамота великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю на село Витославиць и другие земли, 1146; ГВНП, №82];
- (18) *Во 146-мъ году, онъ, Микиворъ, ис полону ушолъ въ Немецкою землю на Виницею и на многия розныя земли* [Челобитная атамана Осипа Лосева и казаков его станицы о даче государева жалованья атаману Никифору Половневу и об отпуске, 1638, НКРЯ].

Кроме того, в выборку не включались клаузы с именной частью сказуемого, выраженной предложной группой (19):

⁹ При статистическом анализе использовалась программа SPSS.

¹⁰ Согласно замечанию А. А. Зализняка, в диахронической перспективе «поведение местоимений в этой зоне не менялось от времени: оно практически такое же и в современном языке» [Зализняк 2008а: 243].

(19) *и онъ в правде и в вине игумену з братьею* [Угл, №4, XV в.].

Фильтрация данной группы клауз была обусловлена тем, что в них не представлялось возможным однозначно определить тип предиката (связочный именной vs. глагольный) в силу неоднозначной семантики глагола *быти* (*быть*), который в таких конструкциях мог трактоваться и как вспомогательная связка при именном сказуемом, и как содержательная глагольная словоформа в экзистенциальном или локативном значении¹¹.

Итоговый объем всех исследованных релевантных клауз составил 429 единиц. Все они с точки зрения субъектной референции содержали одну из следующих стратегий:

- Для именных клауз:

1. Трехчленная модель с местоимением 3-го лица, эксплицитно выраженной глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *он есть князь*).

2. Двучленная модель с местоимением 3-го лица, нулевой глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *он князь*).

3. Двучленная модель с нулевым местоимением 3-го лица, эксплицитно выраженной глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа *князь есть*).

4. Одночленная модель с нулевым местоимением 3-го лица, нулевой глагольной связкой и субстантивным предикатом (далее — модель типа $\emptyset$ *князь*).

- Для глагольных клауз:

1. Двучленная модель с местоимением 3-го лица и глаголом в презенсе (далее — модель типа *он дает*).

2. Одночленная модель без местоимения с глаголом 3-го лица в презенсе (далее — модель типа $\emptyset$ *дает*).

3. Трехчленная модель с местоимением 3-го лица, эксплицитно выраженной глагольной связкой и перфектной л-формой (далее — модель типа *он есть дал*).

4. Двучленная модель с местоимением 3-го лица, нулевой глагольной связкой и перфектной л-формой (далее — модель типа *он дал*).

5. Двучленная модель без местоимения, с выраженной глагольной связкой 3-го лица и перфектной л-формой (далее — модель типа *дал есть*).

6. Одночленная эллиптическая модель с нулевым местоимением, нулевой глагольной связкой 3-го лица и эксплицитно выраженной перфектной л-формой (далее — модель типа $\emptyset$ *дал*).

¹¹ Об этой особенности подобных клауз см.: [Зализняк 2008а: 222]; следует отметить, что в обоих случаях в презенсе 3-го лица бытийный глагол мог опускаться.

Параллельное распределение всех моделей по четырем временным периодам в целом соответствует принципу, принятому в [Зализняк 2004] на корпусе берестяных грамот (первые 3 периода). С учетом того, что к концу XVII в., согласно большинству исследователей, русская референциальная стратегия уже практически не отличалась от современной [Черных 1952: 227; Борковский, Кузнецов 2006: 323; Зализняк 2008а: 242], в текущей выборке был также выделен период с XVI по 1-ю половину XVII в., для которого предполагалось завершение референциальной эволюции.

После распределения всех клауз по выборкам, в соответствии с референциальной моделью, осуществлялась собственно статистическая проверка гипотезы о доминировании того или иного типа конструкций в конкретный временной период. Результаты этой проверки представлены в разделе 4.

4. Результаты анализа

4.1. Бытовой регистр

4.1.1. Именные клаузы

Общее количество клауз данного типа составило 18 единиц, что объясняется как малым количеством данных, так и меньшей частотностью данных конструкций по сравнению с глагольными. Их распределение представлено в таблице 2.

Таблица 2

Общее количество именных клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в зависимости от референциальной стратегии (бытовой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он есть князь</i>	0	0	0	0
<i>он князь</i>	1	0	0	5
<i>князь есть</i>	9	1	0	0
<i>Ø князь</i>	1	0	1	0
Всего	11	1	1	5

Статистический анализ частотности моделей (биномиальный критерий) с местоимением выявил следующую картину (таблица 3, рис. 1, знаком * здесь и далее помечены статистически значимые результаты).

Таблица 3

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в именных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (бытовой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он (есть) князь</i>	1 (9%) p-value=0,00*	0 (0%) p-value=0,5	0 (0%) p-value=0,5	5 (100%) p-value=0,05
$\emptyset$ князь (<i>есть</i>)	10 (91%)	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)

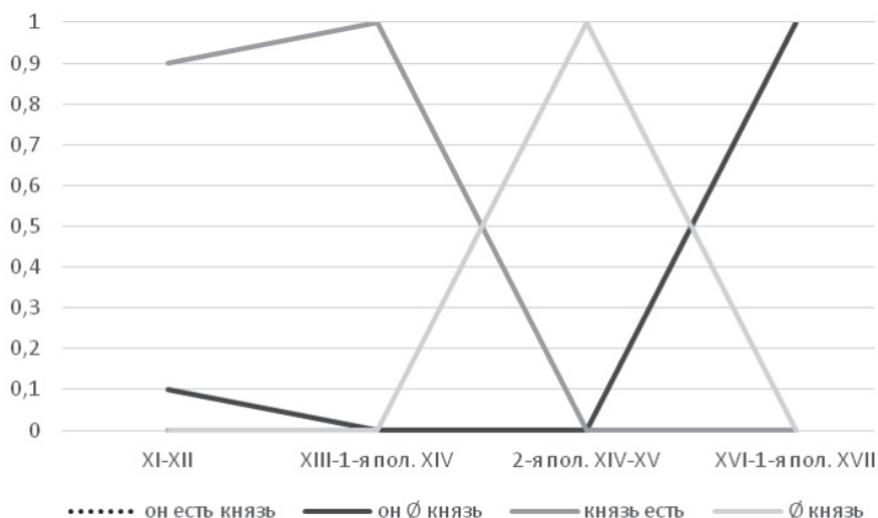

Рис. 1. Соотношение конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных именных клауз бытового регистра

Согласно этим данным, в раннедревнерусский период до XIII в. доминирующей референциальной стратегией в 3-м лице была связочная безместоименная модель типа *князь есть*¹². После этого, в силу отсутствия данных, мы имеем лакуну, по которой судить о конкретной ситуации в языке нельзя («скачок» на рис. 1 не является статистически значимым и представлен лишь одним примером). Однако на последнем этапе, к XVII в. можно видеть, что вспомогательный глагол при л-форме уже утрачен, и основной моделью является модель типа *он князь*

¹² Здесь и далее для удобства чтения нулевые элементы в ряде случаев опускаются.

(рис. 1). Одночленные эллиптические модели типа *Ø князь* крайне редки, а трехчленные модели с местоимением и связкой не встретились вообще. Основными конкурирующими моделями, таким образом, являются модели типа *князь есть* и *он князь*. Для них статистическую значимость удалось доказать только для самого раннего и самого позднего исследуемого периода: в XII в. еще четко доминирует связочная модель *князь есть* (20–21), а в XVI в. — уже модель *он князь* (22–23):

(20) *лихе есте* [БГ-163, XII в.];

(21) *зане хрстыяне суть* [Киев-Д, XII в.];

(22) *он omanstzik* [Fenne, 1607];

(23) *Литовской де гонец был у королевны для того, что он человек лехкой* [Статейный список Ф. А. Писемского (Англия)¹³, 1582].

Все промежуточные данные между XII и XVI вв. не являются статистически значимыми, и выявление того, что непосредственно предшествовало установлению местоименной модели, является дальнейшей задачей.

4.1.2. Глагольные клаузы

Общее количество глагольных клауз, извлеченных из бытовых памятников, составило 102 единицы. Их распределение представлено в таблице 4, см. также Рис. 2.

Данные глагольных клауз подтверждают, что на самом раннем этапе XI–XII вв. в древнерусском перфекте в бытовых текстах глагольная связка 3-го лица уже была фактически утрачена (сходит на «нет» связочная безместоименная перфектная модель *дал есть*, рис. 2). Утрата данной формы происходит ориентировочно на полтора столетия раньше аналогичного процесса в именных клаузах (рис. 1). Тем самым можно однозначно констатировать, что более ранняя утрата глагольных связок в перфекте не влечет за собой немедленную экспансию местоимений, как предполагалось ранее в работах [Jakobson 1971, Lindseth 1998, Meyer 2011]: после этого следует еще как минимум один промежуточный этап в виде утраты связки 3-го лица *есть* в именных клаузах. В остальном процесс, восстанавливаемый по глагольным клаузам бытовых текстов, схож с аналогичной эволюцией в именных клаузах: на самом раннем этапе в обоих видах клауз доминирует безместоименная модель, при этом для перфектных клауз данный приоритет достоверно сохраняется и во 2-й половине XIV — XV вв., а в презентных — в XIII — 1-й половине XIV в. (возможно, что и позже, но в силу меньшего количества презентных

¹³ Все статейные списки, вошедшие в выборку, даны по изданию [Лихачев 1954] и продублированы в НКРЯ.

Таблица 4

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в глагольных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (бытовой регистр)

Тип модели		Количество вхождений, % и статистическая значимость (критерий χ^2 -квadrat)			
		до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
3.PRS	<i>он дает</i>	1 (4%) p-value=0,00*	1 (14%) p-value=0,05*	1 (17%) p-value>0,05	5 (71%) p-value>0,05
	$\emptyset$ <i>дает</i>	17 (96%) p-value=0,00*	7 (86%) p-value=0,05*	5 (83%) p-value>0,05	2 (29%) p-value>0,05
3.PST	<i>он есть дал</i>	1 (6%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>он дал</i>	0 (0%) p-value=0,00*	2 (33%) p-value>0,05	1 (59%) p-value=0,04*	25 (76%) p-value=0,00*
	<i>дал есть</i>	1 (6%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	$\emptyset$ <i>дал</i>	16 (88%) p-value=0,00*	5 (67%) p-value>0,05	7 (41%) p-value=0,04*	6 (24%) p-value=0,00*
ВСЕГО	102	35	16	14	38

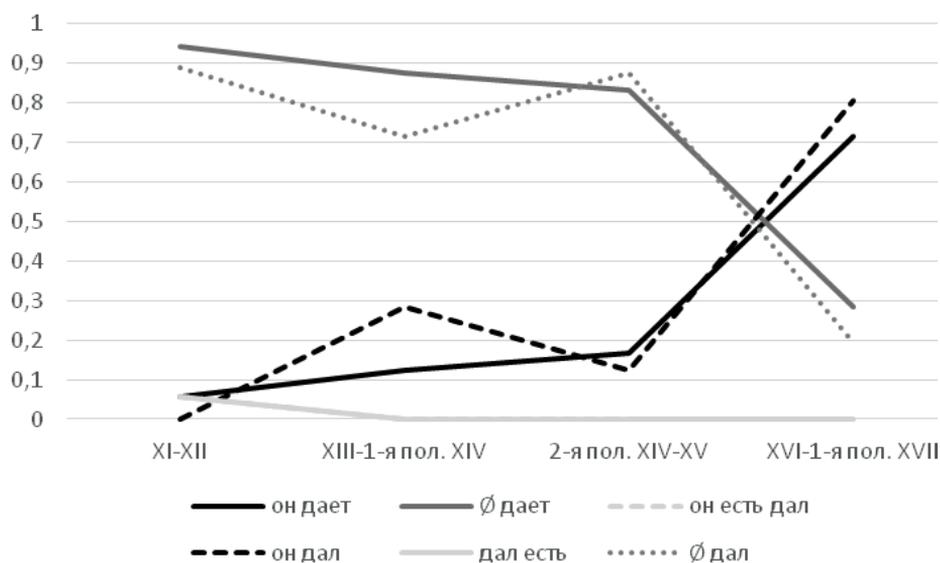

Рис. 2. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных глагольных клауз бытового регистра

клауз, по сравнению с перфектными, однозначный вывод для периода 2-й половины XIV–XV вв. сделать нельзя), см. примеры (24–29), иллюстрирующие приоритетную референциальную модель для презентных и перфектных клауз различных временных периодов.

- (24) *на чьлади [въ]вѣричь не [п]лат[и]л[е] :е: на дьсате гривьно* ‘За челядь он не заплатил денег пятнадцать гривен’ [БГ-1002, XII в.];
- (25) *а мьнь не вѣдасть ничьто же* ‘А мне он не дает ничего’ [БГ-9, XII в.];
- (26) *а поцне прошати жени или синови жени* ‘А если он начнет просить для жены или для сына’ [БГ-406, 2-я половина XIV в.];
- (27) *И отпустил мя доброволно* [АфНик, XV в.];
- (28) *И встретили его айдаровы люди, ... которых он посылал с вестью к Турскому* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция), 1570 г.];
- (29) *То, господине, правду говоришь, кое он в своем прямом слове не стоит и государю вашему лжет* [Статейный список И. П. Новосильцева (Турция), 1570 г.].

Тем не менее ни данные глагольных, ни данные именных клауз не дают однозначного ответа на вопрос о том, в каких именно клаузах субъектные местоимения 3-го лица распространились раньше всего. Данные бытового регистра позволяют лишь говорить о том, что в XVI–XVII вв. и с именным предикатом, и с глаголом в прошедшем времени на -л (формы бывшего перфекта) в 3-м лице уже четко доминировала местоименная стратегия. Что касается презентных клауз, то вхождения XVI–XVII вв. формально не дают однозначного ответа о приоритетности местоименной модели в силу малого количества данных, однако не обнаруживают значимой разницы по сравнению с перфектными и именными клаузами (χ -квадрат, p -value >0,05).

Таким образом, можно констатировать, что по данным только одного бытового регистра доказать первичность появления местоимений на месте бывших связок не представляется возможным. С учетом более ранних этапов, связанных с утратой глагольных связок 3-го лица в перфекте и вспомогательного глагола в именных клаузах, можно лишь оставить в силе предположение, что последовавшая в XVI в. экспансия соответствующих местоимений должна была ранее всего произойти в этих клаузах, а в презенсе распространиться позже, за счет аналогического выравнивания. Последнее, предположительно, случилось в бытовом регистре столь стремительно, что при дискретизации исторических периодов четко выявить ту самую границу, хронологически разделяющую экспансию местоимений в перфекте и презенсе, не представляется возможным.

В связи с этим интерес представляют данные деловых и книжных текстов, обзор которых будет осуществлен ниже.

4.2. Деловой регистр

4.2.1 Именные клаузы

Объем релевантных именных клауз, извлеченных из деловых текстов¹⁴, составил 69 единиц. Их распределение представлено в таблице 5.

Таблица 5

Общее количество именных клауз с редуцированным субъектом 3-го лица в зависимости от референциальной стратегии (деловой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он есть князь</i>	0	0	2	0
<i>он князь</i>	0	0	6	43
<i>князь есть</i>	9	0	1	0
<i>∅ князь</i>	1	0	6	1
ВСЕГО	10	0	15	44

Статистический анализ частотности моделей с местоимением (биномиальный критерий) дает следующую картину (таблица 6, рис. 3, знаком * здесь и далее помечены статистически значимые результаты).

Таблица 6

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в именных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (деловой регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он (есть) князь</i>	0 (0%) p-value=0,00*	0 (0%)	8 (53%) p-value=0,9	43 (99%) p-value=0,00*
<i>∅ князь (есть)</i>	10 (100%)	0 (0%)	7 (47%)	1 (1%)

¹⁴ Здесь и далее об источниках данных делового регистра см. Источники, раздел «Анализируемые памятники делового регистра»

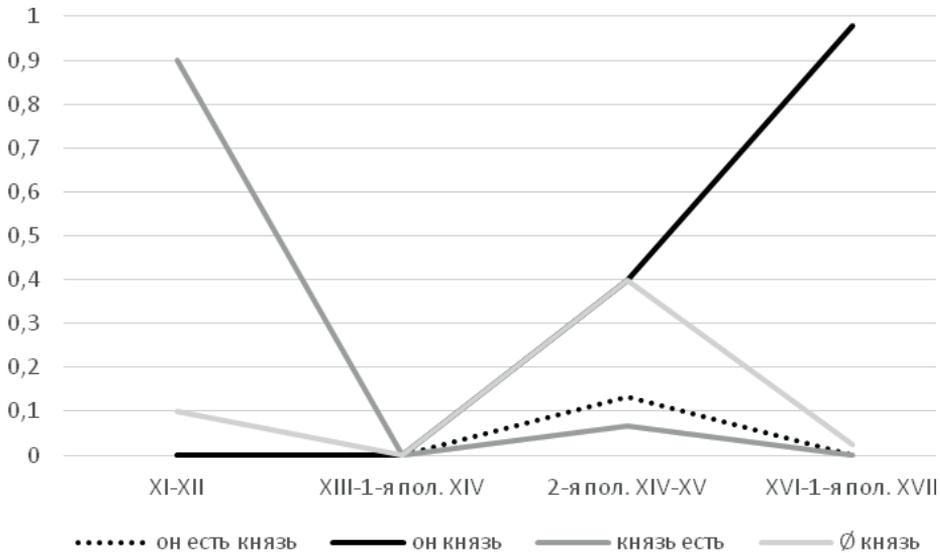

Рис. 3. Соотношение конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных именных клауз деловых текстов

С точки зрения статистической значимости, данные именных клауз делового регистра в целом совпадают с данными бытовых текстов (период до XIII в. — стойкое доминирование модели типа *князь есть*, неоднократно представленной, в частности, в древнейшем списке Русской Правды по Новгородской Кормчей, см. примеры 30–31; период XVI — 1-й половины XVII вв. — абсолютное доминирование современной модели *он князь*, см. примеры 12–14, 32).

(30) *аже слышав хто или зная или и ведая, **оже есть холоп**, а даеть ему хлеба или укажетъ ему путь, то платити ему за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен [РусПр];*

(31) *их же князь продажею не казнить, зане **суть несвободни** [РусПр];*

(32) *И нынеча, брат мой, столко **он уж поучен** [ПосКр, №90, XVI в.].*

Однако в отличие от бытовых памятников, данные деловых текстов, в силу их большего количества, позволяют предполагать, что экспансия модели с эксплицитно выраженным субъектным местоимением в именных клаузах случилась не позднее 2-й половины XIV в.: в этот период наблюдается примерно равное соотношение местоименных и безместоименных клауз, и значимость близка к статистически достоверной (Таблица 6). В период XIII — 1-й половины XIV вв. моделей с редуцированным субъектом в деловых текстах не встретилось вообще. Отчасти

это может объясняться малым количеством данных. Однако возможно и то, что как раз в этот период была утрачена вспомогательная форма *есть* при именном предикате, и произошел некоторый вынужденный переходный этап, при котором эллиптические модели вида *князь не* могли служить полноценной заменой архаичным моделям типа *князь есть*, в силу невозможности однозначного восстановления референта без контекста, и носитель стремился избегать подобных конструкций в принципе, употребляя исключительно полные именные группы или синонимичные дативные обороты. По-видимому, в долгосрочной перспективе это оказалось затруднительным и послужило толчком к экспансии нового вида редуцированных субъектных конструкций с немаркированным личным местоимением.

Также интерес представляют конструкции с *есть*, встретившиеся в период 2-й половины XIV – XV вв. По-видимому, они являются одной из особенностей украинских и полоцких грамот соответствующего времени: все встреченные связочные модели относятся именно к этим источникам (33–34):

(33) *намъ са видело ижъ вни сѹт(ь) болре, люди добрые, а не слуги пѹтѣные* [Жалованный лист вел. кн. лит. Казимира [польскому боярину] Сурвилу на сбор варных куниц, XV в.; ПГ-93];

(34) *...аже сѹть неправыи фальшованыи листы* [Правая грамота князя Федора Любартовича Мику Дедошицкому по поводу его спора из-за села Сяхова с Дмитрием Даниловичем, данная в Зудчове 5 июля 1428 г., XV в.; Укр, № 60].

С учетом того, что в новгородско-псковской и московской зонах подобные конструкции в это время уже не встречались, можно предположить, что длительная сохранность связочных моделей в юго-западных памятниках могла объясняться влиянием соседнего польского языка. Подобный тип контакта, при котором имеющаяся в языке редкая модель не утрачивалась окончательно, а, наоборот, длительное время сохранялась под влиянием контактов с другим языком, имеющим аналогичную конструкцию, достаточно хорошо известен в литературе (“minor use pattern”, в терминах Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2005: 45]), в том числе в славянских языках [Wiemer, Hansen 2012: 81]

4.2.2. Глагольные клаузы

Процедура анализа глагольных клауз в деловых текстах происходила аналогично соответствующему анализу бытовых данных. Общий объем релевантных клауз, извлеченный из деловых текстов, составил 263 единицы (таблица 7, рис. 4).

Таблица 7

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в глагольных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (деловой регистр)

Тип модели		Количество вхождений, % и статистическая значимость (критерий χ -квадрат)			
		до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV – XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
3.PRS	<i>он дает</i>	0 (0%)	0 (0%) p-value=0,00*	14 (42%) p-value=0,8	24 (50%) p-value=1,00*
	$\emptyset$ <i>дает</i>	0 (0%)	14 (100%) p-value=0,00*	19 (58%) p-value=0,8	24 (50%) p-value=1,00*
3.PST	<i>он есть дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>он дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	34 (49%)	69 (38%)
	<i>дал есть</i>	0 (0%)	0 (0%)	3 (5%)	0 (0%)
	$\emptyset$ <i>дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	36 (51%) p-value=1,00*	26 (62%) p-value=0,15
ВСЕГО	102	0	14	106	143

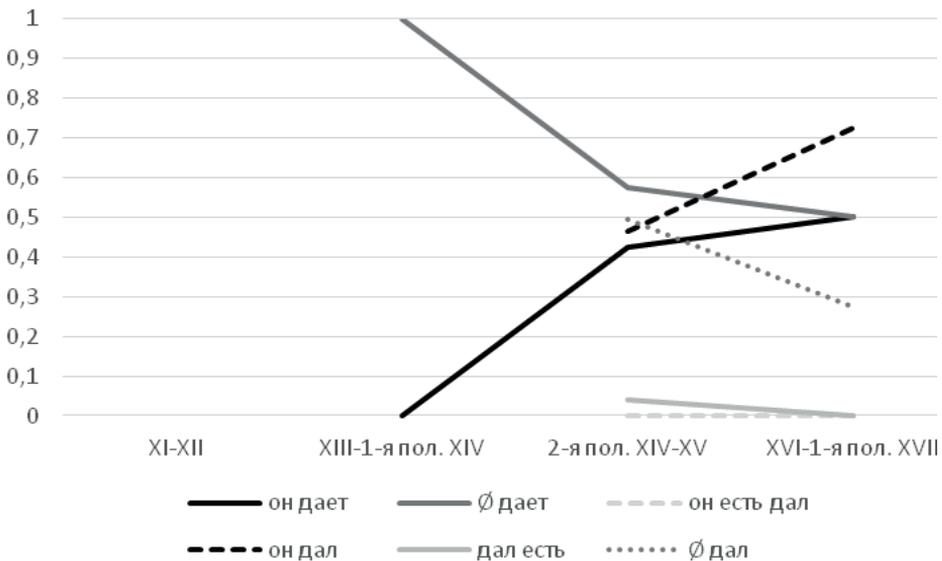

Рис. 4. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных глагольных клауз делового регистра

По этим данным, в отличие от бытовых текстов, на этапе XVI — 1-й половины XVII вв. уже можно констатировать значимо большее преобладание местоименных моделей в новых претеритных клаузах, по сравнению с презентными (χ -квадрат, p -value < 0.01). Данные предыдущего этапа (2-я пол. XIV–XV вв.) не обнаруживают значимой разницы в презентных клаузах, по сравнению с данными более позднего периода XVI — 1-й половины XVII вв., однако указывают на соответствующую разницу в претеритных клаузах (χ -квадрат, p -value < 0.01). Можно констатировать, что в претеритных клаузах деловых документов скорость экспансии местоимений была очевидно выше аналогичного процесса в презентных клаузах.

Формально более высокая скорость экспансии местоимений в клаузах с л-формами не является строгим доказательством того, что именно в этом виде клауз процесс начался раньше. Однако при анализе конкретных типов клауз обращает на себя внимание тот факт, что большая часть презентных конструкций без субъектного местоимения в деловых текстах входит в состав анафорических клишированных формул со значением условия. Данная особенность характерна как для ранних (35–36), так и для более поздних памятников (37–39):

(35) *аже оудържить· оу томь са можете оучинити пагоуба;*

(36) *аже продасть не дати ничего же*

[Смоленская торговая правда 1229 г., сп. А, приводится по изданию Смол];

(37) *А приедет на судне с товаром из ыных городов и волостей Новгородской земли...*

(38) *А приедет на судне с товаром из Московской земли...*

(39) *А взвесит мех соли или пошев соли или рогожу соли...*

[ВелНовг, Уставные грамоты новгородской таможни 1571–1587 гг.]

Перфектные же клаузы обнаруживают большую гибкость с точки зрения представленных моделей; количество устойчивых клишированных формул с редуцированной субъектной референцией в этих клаузах меньше, чем в клаузах с презентом. Можно предположить, что длительное сохранение презентной модели с опущением местоимения в деловых текстах является следствием того, что и в бытовом языке эта модель также по умолчанию воспринималась как немаркированная. Несмотря на тенденцию к фиксированному воспроизведению формул-клише, референциальная модель в них с течением времени могла меняться, в зависимости от параллельных изменений в живом языке. Подтверждением могут служить ранние и поздние берестяные грамо-

ты: если в первых в качестве заключительной формулы употребляется модель *клянюся ти*, то в поздних постепенно начинает преобладать модель вида *а язю тебе клянюся*. В этом случае можно полагать, что отсутствие соответствующих изменений в формулах также коррелирует с реальной языковой ситуацией и может быть косвенным доказательством того, что в презентных клаузах экспансия местоимений действительно стартовала позже, чем в клаузах с перфектом. В этой связи также примечательно, что конструкции с перфектом употреблялись в целом существенно чаще презентных (χ -квадрат, p -value <0.001), что также может быть косвенным аргументом в пользу приоритетности первых для масштабной языковой эволюции.

Таким образом, деловой регистр, предоставляющий большее количество данных, отражает ряд фактов, косвенно свидетельствующих о приоритете перфектных моделей в ходе экспансии местоимений. Принимая во внимание, что при сравнении данных перфектных клауз (таблица 7) с именными (таблица 5) не обнаруживается значимой разницы в распределении местоименных и безместоименных моделей в период 2-й половины XIV — XV вв. (приблизительно равное соотношение, в дальнейшем сменяющееся уже более высоким преобладанием местоимений в именных клаузах), можно полагать, что местоимения 3-го лица в неэмфатическом и неконтрастивном употреблении действительно первоначально распространились в бывших связочных клаузах, на месте стремительно утрачиваемой глагольной связки *есть*.

Вместе с тем эти данные еще не позволяют окончательно говорить, что именно утрата глагольных связок стала непосредственным триггером к экспансии местоимений. В частности, формально нельзя исключать и обратного процесса [Kibrik 2004; см. также Борковский, Кузнецов 2006: 324, 332], поскольку утрата вспомогательных глагольных форм и связок 3-го лица и распространение соответствующих личных местоимений фактически совпадают по времени (рис. 1–3) как в деловых, так и в бытовых текстах. Большой вес теории о первичности утраты связок могло бы придать выявление промежуточной референциальной стратегии с нулевым местоимением и нулевой связкой, в хронологической цепочке (таблица 8).

Стадия 2 (доминирование эллиптической модели с нулевым субъектом 3-го лица и соответствующей нулевой формой вспомогательного глагола) в не книжных текстах формально выявлена не была, вероятно, в силу «стремительного» характера референциальной эволюции. Однако книжные тексты, с их более консервативным синтаксисом, теоретически могли уточнить этот тезис.

Их данные представлены ниже.

Таблица 8

Вероятный сценарий развития русской референциальной перестройки в случае первичности утраты глагольных связок по отношению к экспансии местоимений

	Этап 1	Этап 2	Этап 3
3.NOM	<i>князь есть</i>	<i>князь $\emptyset_{cop}$</i>	он князь
3.PST	<i>далъ есть</i>	<i>далъ $\emptyset_{cop}$</i>	он дал

4.3. Книжный регистр

4.3.1 Именные клаузы

Общий объем именных клауз, извлеченных из книжных памятников¹⁵, составил 56 единиц. Их распределение представлено в таблице 9.

Таблица 9

Дистрибуция именных клауз с редуцированным субъектом 3-го лица, в зависимости от референциальной стратегии (книжный регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он есть князь</i>	2	0	0	0
<i>он князь</i>	0	0	0	13
<i>князь есть</i>	24	10	5	2
<i>$\emptyset$ князь</i>	0	0	0	0
Всего	26	10	5	15

Результаты статистической проверки соотношения местоименных и безместоименных моделей для каждого из исследуемых временных этапов представлены в таблице 10 и на рис. 5.

Результаты анализа именных клауз, извлеченных из книжных текстов, во многом совпали с аналогичными данными некнижных памятников (см. Разделы 4.1.1 и 4.2.1). Во всех этих текстах в самых ранних памятниках до XII в. доминирует связочная модель *князь **есть***, и во всех этих текстах в XVI в. она заменяется на модель *он князь*. При этом в книжных текстах связочная модель однозначно доминирует и на этапе XIII – 1-й половины XIV в., и фрагментарно встречается и в более

¹⁵ Здесь и далее об источниках данных книжного регистра см. Источники, раздел «Анализируемые памятники книжного регистра»

Таблица 10

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в именных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (книжный регистр)

Тип модели	до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
<i>он (есть) князь</i>	2 (6%) p-value=0,00*	0 (0%) p-value=0,00*	0 (0%) p-value=0,1	13 (87%) p-value=0,01*
<i>∅ князь (есть)</i>	24 (94%)	10 (100%)	5 (100%)	2 (13%)

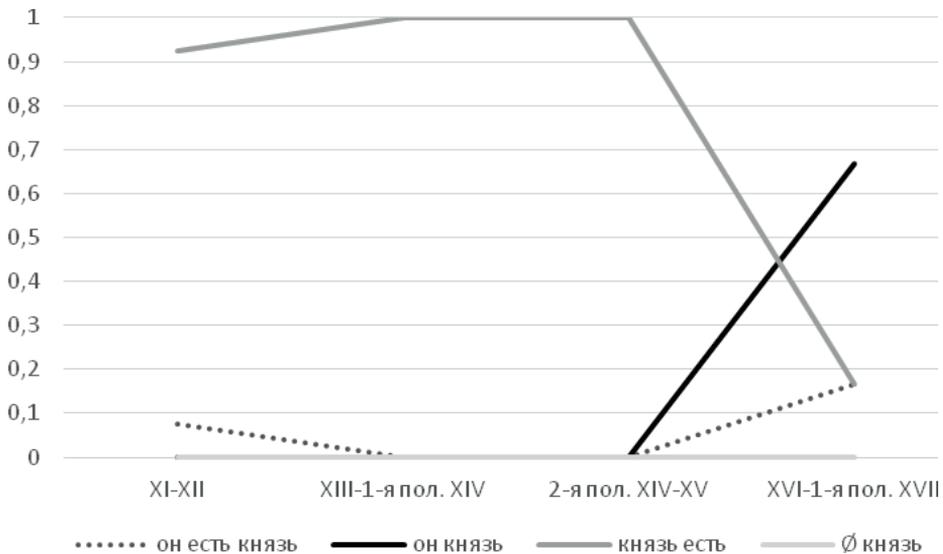

Рис. 5. Распределение с выраженным и невыраженным субъектным местоимением 3-го лица среди всех исследованных именных клаузов книжного регистра

позднее время, осознаваемая как признак «книжности», тогда как для некнижных текстов преимущество этой модели в период XIII – 1-й пол. XIV вв. уже не выглядит столь явно, и поэтому статистически не доказывается. Итоговый же результат для XVI – XVII вв., идентичный некнижным текстам, – доминирование местоименной бессвязочной модели *он князь* – сам по себе примечателен и указывает на то, что отдельные синтаксические процессы, такие как изменение референциальной стратегии, могли начаться в книжном регистре позже других

типов памятников, однако затем распространялись в них с очень высокой скоростью, по сути, так же быстро, как и в не книжных текстах. Тем самым отмечаемый исследователями консервативный характер книжных текстов оказывается не совсем универсальной чертой.

Вероятный промежуточный этап, с доминированием бессвязочной безместоименной модели, данные книжных именных клауз также не позволяют выявить. Последним возможным «кандидатом» на наличие этой модели остаются книжные глагольные клаузы.

4.3.2. Глагольные клаузы

Общий объем релевантных клауз, извлеченный из книжных текстов, составил 57 единиц (таблица 11, рис. 6).

Таблица 11

Статистическая проверка гипотезы о соотношении местоименных и безместоименных моделей в глагольных клаузах с редуцированным субъектом 3-го лица (книжный регистр)

Тип модели		Количество вхождений, % и статистическая значимость (критерий χ^2 -квадрат)			
		до XIII в.	XIII – 1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV– XV в.	XVI – 1-я пол. XVII в.
3.PRS	<i>он дает</i>	0 (0%)	0 (0%)	1 (15%)	1 (11%)
	$\emptyset$ <i>дает</i>	1 (100%) p-value>0,05	5 (100%) p-value>0,05	6 (85%) p-value>0,05	8 (89%) p-value=0,04*
3.PST	<i>он есть дал</i>	1 (9%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
	<i>он дал</i>	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (9%)
	<i>дал есть</i>	10 (91%) p-value=0,04*	1 (50%)	0 (0%)	0 (0%)
	$\emptyset$ <i>дал</i>	3 (0%)	1 (50%)	0 (0%)	10 (91%) p-value=0,02*
ВСЕГО	57	15	7	7	28

В отличие от именных клауз, где эволюция проходила во многом схожим образом с не книжными данными (хотя и с близким к значимому отличием в период XIII – 1-й пол. XIV в. в контекстах с моделью типа *князь есть*), глагольные клаузы, извлеченные из книжных памятников, дают иную картину. Эволюция в них происходит значительно медленнее, в этом случае уже полностью подкрепляя тезис о существенно более позднем характере языковых изменений в книжных памятниках.

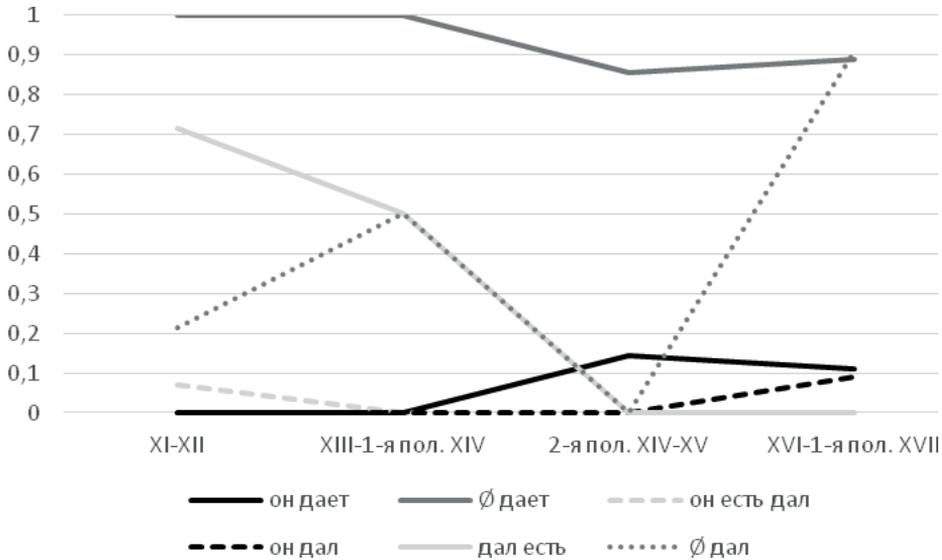

Рис. 6. Доли конструкций с субъектным местоимением среди всех исследованных глагольных клауз книжного регистра

С этой точки зрения показательным выглядит доминирование модели *дал есть* в ранних текстах, уже утраченной к этому моменту или вовсе отсутствовавшей в бытовом языке (ср. примеры 8, 40):

(40) *Понеже неприязну кончину **приялъ есть** [ЖАЮ, XII в.].*

До этапа экспансии местоимений эволюция в книжных глагольных клаузах так и не доходит, останавливаясь как раз на «разыскиваемом» промежуточном этапе референциальной эволюции, заключающемся в утрате глагольных связок 3-го лица и распространении эллиптической модели типа *∅ дал*. Именно эта модель значимо доминирует в прошедшем времени в книжных памятниках XVI — 1-й половины XVII вв.:

(41) *Того же мѣсяца въ 12 день ис того же рва повели подкопы под Круглую науголную башню противъ Подолного монастыря [АврПал];*

(42) *чего ради поехал с Москвы в Великий Новгород [Повесть о псковском взятии].*

Тем самым книжные тексты фактически позволяют вычленить недостающее «звено» в процессе реконструкции русской референциальной перестройки и подкрепляют теорию об утраченных связках как о триггере дальнейшей экспансии местоимений.

5. Заключение

Сопоставительный диахронический анализ бытовых, деловых и книжных текстов позволил с достаточной уверенностью вычленить все этапы русской референциальной перестройки, предшествовавшие экспансии местоимений 3-го лица. При этом каждый подкорпус анализируемых текстов внес свой «вклад» в исследование данного процесса.

Так, бытовые памятники позволили установить, во-первых, что утрата глагольных связок 3-го лица в именных клаузах началась приблизительно на 150 лет позже аналогичного процесса в совершенных клаузах, а во-вторых, что приоритет моделей с эксплицитно выраженным местоимением 3-го лица достоверно обнаруживается в период XVI — 1-й половины XVII вв. во всех видах клауз. Тем не менее скорость экспансии местоимений в бытовом регистре оказалась слишком высокой для того, чтобы вычленить конкретный тип клауз, где личные местоимения лица стали употребляться ранее всего: фактически они одновременно распространяются и в именных клаузах, и в глагольных презентных, и в глагольных претеритных (бывших совершенных). Вероятным выглядел сценарий первичного появления местоимений на месте бывших связочных клауз (т. е. именных и совершенных) и дальнейшего аналогического выравнивания на глагольные презентные клаузы, однако строго доказать этот факт бытовые тексты не позволяли.

Его позволили уточнить деловые тексты, где по косвенным данным (большая устойчивость презентных моделей в формулах, большая распространенность совершенных моделей, по сравнению с презентными и др.) восстанавливается более ранняя экспансия местоимений в совершенных клаузах, по сравнению с презентными. Из этого следует более общий тезис о том, что местоимения в первую очередь распространялись именно на месте бывших глагольных связок. Дальнейший анализ книжных текстов, где эволюция носила еще более медленный характер, позволил выявить промежуточный этап — некоторое доминирование бессвязочных безместоименных моделей типа *Ø дал*, между этапом доминирования старой связочной модели типа *дал есть* и этапом распространения новой местоименной модели типа *он дал*. Наличие этого этапа позволяет с большей уверенностью утверждать, что именно утрата глагольных связок послужила триггером к дальнейшему распространению местоимений, а не наоборот. Тем самым, более медленный характер эволюции в памятниках делового книжного регистра позволил уточнить и статистически доказать ряд конкретных этапов в истории всего процесса.

Библиография

Источники

Современные базы данных

Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Древне- и среднерусские данные

Анализируемые памятники бытового регистра

АфНик

Никитин А., Хождение за три моря, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 7, С.-Петербург, 1999, 348–379 (электронная версия: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068>); бытовой компонент соответствует не книжному выделению в [Зализняк 2008а: 85].

БГ

Берестяные грамоты XI–XV вв. (<http://gramoty.ru/birchbark/>).

Киев-Д

Диалогическая часть Киевской летописи по Ипатьевскому списку, *Полное собрание русских летописей*, 2, 4-е изд., Москва, 1962; бытовой компонент соответствует не книжному выделению в [Зализняк 2008а: 85].

Послания Ивана Грозного

Послания Ивана Грозного Елизавете I, королю Юхану III, Василию Грязному (1588–1574 гг.), *Библиотека литературы Древней Руси*, 11, Москва, 2001 (цит. по электр. изд. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9114>); бытовой компонент соответствует не книжному выделению в [Зализняк 2008а: 85].

АпRB

Ein Rusch Boeck Bin Ick Genanth mit velen Ehlücken lüden sey Ick Allto wol nicht Bekhant [Fałowski 1994].

Fenne

Hammerich L. L., Jakobson R., eds., *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607, 2: Transliteration and Translation*, Copenhagen, 1970.

Анализируемые памятники делового регистра

Акты Юридические 1858

Акты юридические, или собрание форм старинного дѣлопроизводства, С.-Петербург, 1858.

Вахромеев 1881

Вахромеев И. А., *Князья и царскія грамоты Ярославской губернии*, Москва, 1881.

ВелНовг

Баранов К. В., сост., *Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов*, С.-Петербург, 2001.

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДоклXV

РГАДА, ф. 1144, Оп. 1. Кн. 1. Л. 1 об., 2. Изложение 1597–98 гг., Докладная полная XV века, по изд.: *Архив русской истории: сборник государственного архива древних актов*, 8, Москва, 2007 (электронная версия: *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада*: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Doklad_Koskin/text.htm).

Купчинський 2004

Купчинський О., *Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти*, Львів, 2004.

Кучкин 2003

Кучкин В. А., *Договорные грамоты московских князей XIV века*, Москва, 2003.

ПГ

Хорошкевич А. Л., отв. ред., Полехов С. В., зам. отв. ред., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., ред., *Полоцкие грамоты XIV–XVI вв.*, 1, Москва, 2015.

ПосКр

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордями и с Турцией, 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России (= Сборник императорского русского исторического общества, 41), С.-Петербург, 1884 (электронная версия: *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада*: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/PDS_1/).

Риж

Рижские грамоты 60–70х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива, *Археографический ежегодник за 1965 г.*, Москва, 1966.

РусПр

Карский Е. Ф., *Русская Правда по древнейшему списку*, Ленинград, 1930.

Укр

Розов В. А., *Українські грамоти*, 1: XIV в. і перша половина XV в., Киев, 1928.

Самоквасов 1908

Самоквасов Д. Я., *Памятники древнего русского права. Пособие для практических занятий студентов*, 1, Москва, 1908.

Смол

Аванесов Р. И., ред., Сумникова Т. А., Лопатин В. В., подгот. к печати, *Смоленские грамоты*, Москва, 1963.

Угл

Шумаков С. А., *Угличские акты (1400–1749 гг.)*, Москва, 1898.

Хорошкевич 1964

Хорошкевич А. Л., Новые Новгородские грамоты XIV–XV вв., *Археографический ежегодник за 1963 год*, Москва, 1964, 264–277.

Шумаков 1895

Шумаков С. А., *Губныя и земскія грамоты Московскаго Государства*, Москва, 1895.

Щапов 1976

Щапов Я. Н., *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.*, Москва, 1976.

Янин 1960

Янин В. Л., Две неизданные новгородские грамоты XV века, *Археографический ежегодник за 1959 год*, Москва, 1960, 333–340.

Анализируемые книжные памятники

АврПал

Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 14: *Конец XVI – начало XVII века*, С.-Петербург, 2006, 238–255.

Бельский летописец

Бельский летописец, *Полное собрание русских летописей*, 34, Москва, 1978, 238–271.

Вопрошание Кириково

Се иесть въпрошание Кюриково, неже въпраша иепископа ноугородьского Нифонта и инех, *Памятники древнерусского канонического права*, 1 (= Русская историческая библиотека, 6), С.-Петербург, 1880, 21–62.

ГалВол

Галицко-Волынский свод, *Полное собрание русских летописей*, 2, под ред. А. А. Шахматова, С.-Петербург, 715–938, 1908.

ЖАЮ

Житие Андрея Юродивого, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 2, С.-Петербург, 1999, 330–359.

ЖМТ

Житие Михаила Ярославича Тверского, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 68–91.

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород

Московская повесть о походе Ивана III на Новгород, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 7, С.-Петербург, 1999, 286–311.

Наставление отца к сыну

Наставление отца к сыну, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 490–493.

Новая повесть о преславном Российском царстве

Новая повесть о преславном Российском царстве, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 14, С.-Петербург, 2006, 150–179.

НПЛ

Полное собрание русских летописей, 3: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, 2000.

ПВЛ

Повесть временных лет, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 1, С.-Петербург, 1997, 23–278.

ПетрОрд

Повесть о Петре, царевиче Ордынском, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 9, С.-Петербург, 2000, 70–85.

Повесть о битве на Калке

Повесть о битве на Калке (из Тверской летописи), Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 5, С.-Петербург, 1997, 106–131.

Повесть о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде

Повесть о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 14, С.-Петербург, 2006, 204–209.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 13, С.-Петербург, 2005, 534–607.

Повесть о Псково-Печерском монастыре

Повесть о Псково-Печерском монастыре, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 13, С.-Петербург, 2005, 476–533.

Повесть о псковском взятии

Повесть о псковском взятии, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 9, С.-Петербург, 2000, 222–233.

Повесть о Темир Аксаке

Повесть о Темир Аксаке, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 230–241.

Повесть о Шевкале

Повесть о Шевкале, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 92–95.

Повесть об ослеплении Василия II

Повесть об ослеплении Василия II, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 498–513.

Сказание о Мамаевом побоище

Сказание о Мамаевом побоище, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 138–189.

Хождение Стефана Новгородца

Хождение Стефана Новгородца, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Понырко, ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 6, С.-Петербург, 1999, 30–41.

Литература

Борковский, Кузнецов 2006

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 2006.

Буденная 2018

Буденная Е. В., *Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала*, (Диссертация на соискание степени канд. филологических наук, Москва, 2018).

Горшкова, Хабургаев 1981

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1981.

Живов 1996

Живов В. М., Основные регистры книжного языка и процессы их формирования, *Idem, Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996, 31–41.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Зализняк 1998

Зализняк А. А., Из наблюдений над «Разговорником Фенне», А. А. Гиппиус, Л. Г. Невская, Т. М. Николаева, отв. ред., Т. В. Цивьян, ред., *ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*, Москва, 1998, 235–275.

——— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

——— 2008a

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

——— 2008б

Зализняк А. А., Из наблюдений над языком Афанасия Никитина, Ф. Б. Успенский, отв. ред., *Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*, Москва, 2008, 150–163.

Лихачев 1954

Лихачев Д. С., Повести русских послов как памятники литературы, *Ibid., Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки*, Москва, Ленинград, 1954, 319–346.

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси*, Москва, 2011.

Сквайрс, Фердинанд 2002

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н., *Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов*, Москва, 2002.

Соболевский 1907

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, Москва, 1907.

Толстой 1963

Толстой Н. И., Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.), *Славянское языкознание. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов*, Москва, 1963, 230–272.

——— 1988

Толстой Н. И., *История и структура славянских литературных языков*, Москва, 1988.

Успенский 2002

Успенский Б. А., Введение: Предмет истории литературного языка. Языковая ситуация и характер литературного языка, *Ibid., История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва, 2002, 7–32.

Хабургаев 1978

Хабургаев Г. А., Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке, *Вестник МГУ, Серия 9: Филология*, 4, 1978, 42–53.

Черных 1952

Черных П. Я., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1952.

Шевелева 2006

Шевелева М. Н., Некнижные конструкции с формами глагола «быти» в псковских летописях, А. М. Молдован, отв. ред., *Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова*, Москва, 2006, 215–241.

Fałowski 1994

Fałowski A., hrsg., „Ein Rusch Boeck...”: *Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, 3(18)), Köln, 1994.

Grenoble 2001

Grenoble L. A., Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian, *Glossos*, 1, 2001 (<http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>).

Heine, Kuteva 2005

Heine B., Kuteva T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.

Jakobson 1971

Jakobson R., Les enclitiques slaves, *Selected Writings, 2: Word and Language*, The Hague, 1971, 16–22.

Kibrik 2004

Kibrik A. A., Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma?, A. Branco, R. Mitkov, T. McEnery, eds., *Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC)*, Lisbon, 2004, 87–90.

Kwon 2009

Kwon J., The Subject Cycle of Pronominal Auxiliaries in Old North Russian, E. van Gelderen, ed., *Cyclical change*, Amsterdam, Philadelphia, 2009, 157–184.

Lindseth 1998

Lindseth M., *Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian*, München, 1998.

Meyer 2011

Meyer R., *The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation)*, (Habilitation Thesis, University of Regensburg, 2011).

Madariaga 2018

Madariaga N., Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: The case of Russian, F. Cognola, J. Casalicchio (eds.), *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective*, Oxford, 2018, 171–198.

Wiemer, Hansen 2012

Wiemer B., Hansen B., Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavonic, B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen, eds., *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*, Berlin, 2018, 67–155.

Zdorenko 2009

Zdorenko T., Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus, S. T. Gries, S. Wulff, M. Davies, eds., *Corpus-linguistic applications: current studies, new directions*, Oxford, 2009, 119–133.

References

Avanesov R. I., Sumnikova T. A., Lopatin V. V., eds., *Smolenskie gramoty*, Moscow, 1963.Baranov K. V., ed., *Velikii Novgorod vo vtoroi polovine XVI v. Sbornik dokumentov*, St. Petersburg, 2001.Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 2006.Chernykh P. Ia., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1952.Fałowski A., hrsg., "Ein Rusch Boeck...": *Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert* (= Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, 3(18)), Köln, 1994.Gorshkova K. V., Khaburgaev G. A., *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1981.Grenoble L. A., Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian, *Glossos*, 1, 2001.Hammerich L. L., Jakobson R., eds., *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov, 1607, 2: Transliteration and Translation*, Copenhagen, 1970.Heine B., Kuteva T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge, 2005.Jakobson R., Les enclitiques slaves, *Selected Writings*, 2: *Word and Language*, The Hague, 1971, 16–22.Khaburgaev G. A., *Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v rus-**skom iazyke*, *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 4, 1978, 42–53.Kibrik A. A., Zero anaphora vs. zero person marking in Slavic: A chicken/egg dilemma?, A. Branco, R. Mitkov, T. McEnery, eds., *Proceedings of the 5th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium (DAARC)*, Lisbon, 2004, 87–90.Kwon J., The Subject Cycle of Pronominal Auxiliaries in Old North Russian, E. van Gelderen, ed., *Cyclical change*, Amsterdam, Philadelphia, 2009, 157–184.Likhachev D. S., Povesti russkikh poslov kak pamiatniki literatury, *Ibid*, *Puteshestviia russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateinye spiski*, Moscow, Leningrad, 1954, 319–346.Lindseth M., *Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian*, München, 1998.Madariaga N., Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: The case of Russian, F. Cognola, J. Casalicchio (eds.), *Null Subjects in Generative Grammar: A Synchronic and Diachronic Perspective*, Oxford, 2018, 171–198.Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongo'skoi Rusi*, Moscow, 2011.Rozov V. A., *Ukrains'ki hramoty, 1: XIV v. i persha polovyna XV v.*, Kiev, 1928.

Sheveleva M. N., Neknizhnye konstruktssii s formami glagola «byti» v pskovskikh letopisiakh,

A. M. Moldovan, ed., *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova*, Moscow, 2006, 215–241.

Squires E. R., Ferdinand S. N., *Ganza i Novgorod: iazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*, Moscow, 2002.

Tolstoi N. I., *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov*, Moscow, 1988.

Tolstoi N. I., Vzaimootnoshenie lokal'nykh tipov drevneslavianskogo literaturnogo iazyka pozdnego perioda (vtoraia polovina XVI–XVII vv.), *Slavianskoe iazykoznanie. Doklady sovetskoj delegatsii, V Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 1963, 230–272.

Uspenskij B. A., Vvedenie: Predmet istorii literaturnogo iazyka. Iazykovaia situatsiia i kharakter literaturnogo iazyka, *Ibid.*, *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*, Moscow, 2002, 7–32.

Valk S. N., ed., *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moscow, Leningrad, 1949.

Wiemer B., Hansen B., Assessing the range of contact-induced grammaticalization in Slavonic, B. Wiemer, B. Wälchli, B. Hansen, eds., *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*, Berlin, 2018, 67–155.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zaliznyak A. A., Iz nabliudeniia nad iazykom Afanasiia Nikitina, F. B. Uspenskij, ed., *Miscellanea Slavica. Sbornik statei k 70-letiiu Borisa Andreevicha Uspenskogo*, Moscow, 2008, 150–163.

Zaliznyak A. A., Iz nabliudeniia nad «Razgovornikom Fenne», A. A. Gippius, L. G. Nevskaja, T. M. Nikolaeva, T. V. Tsivyan, eds., *Polytropon. To 70th Birthday of Vladimir Toporov*, Moscow, 1998, 235–275.

Zdorenko T., Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus, S. T. Gries, S. Wulff, M. Davies, eds., *Corpus-linguistic applications: current studies, new directions*, Oxford, 2009, 119–133.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Zhivov V. M., Osnovnye registry knizhnogo iazyka i protsessy ikh formirovaniia, *Idem, Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996, 31–41.

Евгения Владимировна Буденная, кандидат филологических наук
научный сотрудник лаборатории лингвосомиотических исследований
НИУ ВШЭ

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики

Института языкознания РАН

125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Россия / Russia

jane.sdrv@gmail.com

Received March 16, 2019